

карастырады, олардың белсенді іс-әрекетіндегі шектеулердің жиынтығын көрсетеді, оларды бұзу адамзатты апатқа әкелуі мүмкіндігін негіздейді. Оның ойынша экологиялық императивтің мәні мынада: «қоршаған ортаның кейбір көптеген қасиеттерінің болуында, оларды қандай жағдайда болмасын адамның іс-әрекеті арқылы өзгертуге болмайды» [6]. Моисеевтің идеялары адамгершілік, өнегелік императивінің таралу саласын кеңейтеді. Автор жақын арадағы он жылдықта адамгершілік, өнегелік императиві мәселесін сезіну өркениеттің маңызды сипаттарының бірі болып табылатынына, XIX ғасыр бу мен инженерлік ғылымдардың ғасыры болған сияқты, XXI ғасыр гуманитарлық білімнің ғасыры болатындығына сенімді. Әлеуметтік институттардың экологиялық мәдениеттің қалыптасуына әсері үлкен. Саясаттың, құқықтың, идеологияның, құлықтылықтың, өнердің құндылықтары мен нормалары «қоғам – адам» жүйесінде өзінің ерекше белгісін қалыптастырады және экологиялық мәдениеттің институционалдық аспектіні құрайды. Экологиялық мәдениеттің даму деңгейі қоғамның жетілгендігін көрсететін маңызды көрсеткіштердің бірі болып табылады. Экологиялық мәдениеттің қалыптасуындағы әлеуметтік институттардың

біріге отырып жасалған іс-әрекеті қазіргі заманғы экологиялық тоқырауды өткерудің маңызды факторы, «адам – қоғам – табиғат» жүйесіндегі қарым-қатынастарды үйлесімді етудің құралы болып табылады.

1. Анучин В.А. Основы природопользования. – М, 1978, с.160.

2. Коммонер Б. Замыкающийся круг. Природа, человек, технология. Пер. С англ. – Л. Гидрометесиздат 1974, с. 224.

3. Дорст Ж. До того, как умрет природа. – М, 1968, с. 18 – 19.

4. Александрова Р. И., Смольянов А. В. Экология и мораль. – М, 1984, с.28.

5. Швейцер А. Культура и этика. – М, Прогресс, 1973, с. 307.

6. Моисеев Н. Н. Цивилизация на переломе. Пути России. – М. 1996, 62с.

В статье рассматривается влияние социальных институтов на формирование экологической культуры личности.

In article influence of social institutes on formation of economic culture of the person is considered.

Б.С. Тулегенов

ДУХ ТЕРРОРИЗМА, ИЛИ ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО (Ж. БОДРИЙЯР)

Французский философ Жан Бодрийяр на протяжении последних трех десятков лет своего творчества очень точно отслеживал вехи становления пространства и времени виртуальной реальности. Причем точкой отсчета к этим размышлениям становятся самые разноплановые события мировой истории. Бодрийяр, в частности, отмечает удивительную закономерность, впервые открытую еще Блаженным Августином и переосмысленную физикой XX века: окружающий нас мир совсем не так однозначен с точки зрения его пространственно-временных координат. Причем эти координаты парадоксальным образом становятся подвластными человеку. Современное общество потребления, – рассуждает Бодрийяр в одной из своих работ, – демонстрирует стремление человека к ускользающему (почти виртуальному!) идеалу – модному образцу-симулякру, производимому на свет союзом развитой системы кредитования и системы рекламы, опережающего время и пространство современ-

ности. Такое «полуестественное» существование общества потребления Бодрийяр связывает с идеей знакового символического обмена, свидетельствующего о дегуманизации культуры.

Такой символический обмен знаками имеет, по Бодрийяру всеобщий характер, и он сказывается, в частности, на незаметно произошедшей подмене идеологии современной войны. В этом плане интересна оценка философом первой иракской кампании («Буря в пустыне» начала 90-х годов XX века) в качестве «войны, которой не было», «мертвой войны». По его мнению, логика происшедших тогда событий не являлась ни логикой войны, ни логикой мира, это некая «виртуальная невероятность» военных действий. Таким образом, война в Ираке, явилась первой войной в истории, в которой виртуальное торжествует над реальным. События в многострадальных Югославии и Афганистане, последняя иракская кампания 2002-2003 гг. только подтверждают этот давний

вывод Бодрийяра. Для большей части населения земного шара страшная трагедия войны, усиленная примененным сверхмощным и сверхточным оружием, так и остается размытой картинкой с экрана монитора, причем именно той картинкой, которую выберет для показа «право имеющий».

Несомненно, что самым страшным архетипическим событием начала нового века является 11 сентября 2001 года, когда знаково-символический обмен в структуре дегуманизованного общества достиг своего апогея, обернувшись обменом со смертью.

Еще в середине 70-х годов в своей знаменитой книге «Символический обмен и смерть» Бодрийяр пишет буквально следующее: «... две башни Всемирного торгового центра, правильные параллелепипеды высотой 400 метров на квадратном основании, представляют собой безупречно уравновешенные и слепые сообщающиеся сосуды; сам факт наличия этих двух идентичных башен означает конец всякой конкуренции, конец всякой оригинальной референции... Две башни WTC являют зримый знак того, что система замкнулась в головокружительном самоудвоении ...» [6]. Расшифровка бинарной оппозиции – в символике конца, смерти. Эта тема хорошо разработана в структурной антропологии, но озвученная совершенно в другом социальном регистре, она приобретает еще более впечатляющий вид.

Уже после событий 11 сентября Бодрийяр пишет новую работу, в которой продолжает ту же тему, но уже в иной ситуации.

Мы постоянно, – говорит Бодрийяр, – сталкиваемся с событиями мирового значения: от смерти леди Дианы до чемпионата мира по футболу, или же с событиями реальными и жестокими, такими как война и геноцид. Но до сих пор не было ни одного символического события мирового значения, такого события, которое обрекло бы на неудачу саму глобализацию.

То, что мы словно бы видели во сне это событие – 11 сентября – что весь мир словно бы грезил им – вещь абсолютно неприемлемая для западного сознания, но являющаяся неоспоримым фактом, что выражается в патетической жестокости всех дискурсов, в которых хотят избежать самой этой мысли.

Бесчисленные фильмы-катастрофы давно засвидетельствовали существование определенного фантазма, образ которого словно бы заговаривают, как ячмень, утопив его в спецэффектах. Но всеобщее внимание, которое ими вызывается, равно как и внимание к порнографии, показывает, как легко перейти от мысли к действию. В некотором смысле, система в целом, непрочная изнутри, дала начальный

толчок. Чем больше система рассредоточивается в мире, действуя в границах только одной сети, тем более она становится уязвимой, в любой точке этой сети (всего один маленький филиппинец-хакер со своего переносного компьютера смог запустить вирус I love you, который облетел весь мир, опустошив целые сети). В нашем случае 19 камикадзе, вооруженные только собственной смертью, помноженной на эффективность технологии, запустили процесс мировой катастрофы.

Терроризм — повсюду, подобно вирусу. Терроризм проник везде, он следует как тень за системой господства, всегда готовый выйти из тени, подобно двойному агенту. Больше нет демаркационной линии, которая позволяла бы его обозначить. Терроризм находится в самом сердце культуры, которая против него сражается, и видимый разрыв и ненависть, которую обращают к миру эксплуатируемые и подчиненные Западу, тайно соединяется с внутренним разломом в системе господства. И этот внутренний разлом можно противопоставить любому видимому антагонизму. Но с другой стороны, система не может ничего противопоставить этому вирусу.

В этом смысле можно говорить о мировой войне, но только не о третьей, а о четвертой и единственной действительно мировой, поскольку ставка в этой войне сделана на глобализацию.

Две первые мировые войны соответствовали классическому представлению о войне. Первая мировая война положила конец превосходству Европы и была завершением эры колониализма. Вторая – положила конец нацизму. Третья мировая, которая, конечно, была, но велась в форме холодной войны и устрашения, подвела черту под коммунизмом.

От одной войны к другой, мир все больше приближался к установлению единого порядка. Сегодня, возможно, этот порядок близок к своему концу, что выражается в столкновении антагонистических сил, рассеянных по всему миру, выражается во всех современных конвульсиях. Налицо фрактальная война всех ячеек, всех единичностей, которые восстают по принципу антител. Прямое столкновение настолько невозможно, что требуется время от времени «спасать» саму идею войны с помощью театральные постановки вроде войны в Персидском заливе или в Афганистане.

Но четвертая мировая война – она везде. Она есть то, что неотступно преследует любой мировой порядок, любую гегемонию господства – если бы ислам правил миром, терроризм был бы направлен против ислама. Потому что сам мир сопротивляется глобализации.

Терроризм аморален. Падение башен Мирового Торгового Центра, этот символический вызов, – аморально, и оно отвечает требованиям глобализации, которая аморальна сама по себе. Так будем же также аморальны, и если хотим понять что-нибудь, то нужно заглянуть по ту сторону Добра и Зла.

Террористам удалось превратить собственную смерть в абсолютное оружие против системы, которая исключает саму идею смерти, идеалом которой является «нулевая смерть».

Система, в которой смерть равна нулю, – сама в сумме дает ноль. И все средства распыления и разрушения – ничто по сравнению с врагом, который сделал из собственной смерти средство контрнаступления. «Что нам американские бомбардировки! Наши люди в той же степени жаждут смерти, в какой американцы хотят жить». Отсюда возникает неравенство системы с «нулевой смертью» и 7000 погибших от одного теракта. Следовательно, сделана ставка на смерть, причем не на нашествие смерти в прямом смысле в реальном времени, но на пришествие смерти более чем реальной: символической и сакральной – то есть абсолютного и бесповоротного события.

В этом, по Бодрийяру, и заключается дух терроризма.

Террористическая гипотеза состоит в том, что система должна убить себя в ответ на ряд смертей-вызовов. Поскольку ни система, ни власть сами не могут избежать символической необходимости, и это единственный шанс их разрушить. В этом головокружительном цикле невозможного обмена Смерти, смерть террориста бесконечно мала, но она создает вакуум, производит конвекцию в огромных размерах. Вокруг этой малой точки, точки реальности и власти, вся система сгущает, собирает все свои силы.

Тактика террористической модели предполагает создание реальности в избытке и рассчитывает вызвать с помощью этого избытка крушение системы. Насмешка состоит в том, что жестокость власти оборачивается против нее самой, так как террористические акты дают увеличенное зеркальное отражение самой власти, и представляют собой модель символической жестокости, которая запрещена в системе. Это – единственная вид жестокости, которую власть не может осуществить – это жестокость ее собственной смерти. Вот почему все видимое могущество не может ничего противопоставить ничтожной, но символической смерти нескольких индивидов.

Радикальное отличие нового терроризма в следующем: владея всеми видами оружия, выработанными данной системой, террористы

обладают еще одним видом – своей собственной смертью, и это становится фатальным. Если бы они ограничились борьбой против системы ее же оружием, они тотчас же были бы уничтожены. Если бы они противопоставили системе только собственную смерть, они также быстро бы исчезли, принеся бессмысленную жертву, – то чем терроризм почти всегда занимался прежде, и почему он терпел поражение.

Все изменилось с того момента, как террористы начали сопрягать все современные средства со своим символическим оружием. Это до бесконечности умножило их разрушительный потенциал. Это сцепление факторов (с которым мы не можем примириться) которое дает им огромное преимущество. Стратегия «нулевой смерти», эта война в чистом виде, напротив, обходит стороной превращение «реальной» силы в силу символическую.

За всеми этими перипетиями мы должны сохранить ясность образов. Полнота образов (разрушение башен-близнецов) и их ослепительность, хотят ли этого или нет, образуют нашу первичную сцену. События в Нью-Йорке, кроме того, что они радикально изменили ситуацию в мире, не менее радикально изменили соотношение образа и реальности. Раньше мы имели дело с непрерывным распространением банальных образов и с непрерывным потоком банальных событий, тогда как террористический акт в Нью-Йорке воскресил одновременно и образ и событие.

Среди видов оружия системы, которые было обращено террористами против нее самой, можно назвать эксплуатацию образов в реальном времени, их мгновенное распространение по всему миру. Террористы присвоили это средство наряду с банковскими операциями, электронной передачей информации и воздушным сообщением. «Картинка» играет весьма двусмысленную роль: прославляя событие, она берет его в заложники. Образ умножает событие до бесконечности, и одновременно нейтрализует его (как уже было с событиями 1968 года). Об этом всегда забывают, говоря об «опасности» СМИ. «Картинка» пожирала событие, в том смысле, что оно выделяет его из среды других событий и готовит к потреблению. Таким образом, событию придается новое значение, но оно теперь воспринимается как событие-образ, – заключает Бодрийяр.

1. Жан Бодрийяр. Общество потребления. – М., 1970.

2. Мировой энциклопедический словарь. – М., 1986.

3. Философия и ценностные формы сознания. – М., 1978.

Статья посвящена терракту в городе Москве аэропорт Домодедово, что влечет за собой кардинальную переоценку ценностей человека и его мотивационные побуждения, по поводу понимания жизни как дарованного эксплицированного бытия и онтологии природы человека.

Article is devoted terr act in the city of Moscow the Domodedovo airport that involves cardinal revaluation of values of the person and its motivational promptings, concerning understanding of life as granted of explicating lives and human nature ontologies.

Р.С. Гаршин

ОТЧУЖДЕНИЕ В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Одним из фундаментальнейших свойств массового общества, которое отличает его от всех предшествующих типов обществ, является *отчуждение*, достигающее в нем небывало высокого уровня и пронизывающее всю его структуру. Это свойство подробно описано в многочисленной художественной и философской литературе XX века, указания на отчуждение или его проявления можно найти в любом социально и экзистенциально ориентированном тексте, начиная с 20-х гг. и по настоящее время. Самоощущения отчужденной личности с большой яркостью и остротой были переданы в своих романах и повестях Ж.-П. Сартром, А. Камю, О. Хаксли, в философской литературе отчуждение в обществе модерна описывали К. Ясперс, Э. Фромм, Г. Маркузе. Ж. Бодрийяр, и многие другие авторы, простое перечисление имен которых заняло бы не одну страницу. В настоящей статье мы имеем целью объяснение роста отчуждения как процесса имманентного качественному развитию массового общества, исторически и логически связанного с идеологией модерна.

Прежде всего, поясним, что то отчуждение, которое мы собираемся здесь показать, хотя и совпадает во многом, но несколько отличается от отчуждения, проанализированного Марксом [1], поскольку Маркс обосновывал чисто политэкономическое содержание понятия; наше же отчуждение, хоть и имеет много общего с марксовым, но распространяется гораздо дальше и глубже последнего в силу следующей причины. Она состоит в том, что во времена Маркса, когда массовое общество еще не проявило себя в полной мере как качественный феномен, финансово-экономические отношения, рациональные цели и способы деятельности, практикуемые в обществе распространялись на довольно ограниченную сферу хозяйствования, быта и практических потребностей человека (с чем и было отчасти связано понимание Марксом экономики как «базиса», а политики, культуры и

идеологии как «надстройки» над ней). И в этом смысле оставались еще довольно обширные сферы свободной человеческой деятельности, не затронутые экономикой и относительно независимые от нее. Под независимостью, или свободой, здесь следует понимать внеутилитарность, внутреннюю необходимость, имеющую собственную ценность в самой себе. В этом смысле культурное бытие человека, его социальное и политическое бытие (правда в разной мере и степени) являли собой автономные области бытия как целого; с дальнейшим же развертыванием сущностных характеристик массового общества соотношение сил и распределение автономии отличных друг от друга частей целого в корне меняется.

Итак, то отчуждение, которое нарастало пропорционально развитию массового общества, не есть отчуждение работника (производительной силы) от продукта своего труда, а есть *отчуждение личности от собственной свободы*, от самобытия, хотя оно и происходит прежде всего в труде и его продуктах, привязывающих личность к целому общества и координирующих ее деятельность с социальной системой. Эта привязка, зависимость от социального-экономического строя становится тем жестче, чем строже становится разделение труда, навязываемое этим строем. Более глубокая же дифференциация труда является следствием возрастания численности общества и разрастанием аппарата обеспечения его жизнедеятельности. Таким образом, огромный аппарат обеспечения существования – мегамашина, имея тенденцию превращать людей в узко-специализированные функции, вплетает их существование в широкую и разветвленную сеть социальных связей, которые представляют собой зависимости; превращая их в простые объекты администрирования, изымает их из субстанциального содержания жизни, в которой они больше не занимают определенного места. Систему начинает конституировать аппарат,